

**В. Г.
АВСЕЕНКО**

Василий Григорьевич Авсеенко

Гнев Ивана Филофеевича (Петербургские очерки #21)

«Иванъ Филофеевичъ Пыщиковъ, какъ только поѣздъ замедлилъ ходъ, высунулъ голову изъ окна вагона 11-го класса, въ надеждѣ увидѣть на платформѣ свою супругу, Наталью Андреевну. Она всегда встрѣчала его, когда онъ приѣзжалъ изъ города 20-го числа, потому что въ этотъ день въ департаментъ выдавали жалованье, и Иванъ Филофеевичъ имѣлъ обыкновеніе запасться нѣкоторыми предметами баловства, какъ-то: закусками, дынею, абрамовскими коврижками, и т. п. Съ нимъ и сегодня была значительнаго объема корзинка, которую онъ поставилъ въ проходъ, поручивъ ее особенному вниманію кондуктора...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

**Василий Григорьевич
Авсеенко**

Гневъ Ивана Филофеевича

Иванъ Филофеевичъ Пыщиковъ, какъ только поѣздъ замедлилъ ходъ, высунулъ голову изъ окна вагона 11-го класса, въ надеждѣ увидѣть на платформѣ свою супругу, Наталью Андреевну. Она всегда встрѣчала его, когда онъ пріѣзжалъ изъ города 20-го числа, потому что въ этотъ день въ департаментъ выдавали жалованье, и Иванъ Филофеевичъ имѣлъ обыкновеніе запасаться нѣкоторыми предметами баловства, какъ-то: закусками, дынею, абрамовскими коврижками, и т. п. Съ нимъ и сегодня была значительнаго объема корзинка, которую онъ поставилъ въ проходѣ, поручивъ ее особенному вниманію кондуктора.

Но Натальи Андреевны на платформѣ не было. Были разныя другія жены, а его жены не было. Была даже супруга вице-директора, щеголиха до помраченія ума, но это не относилось къ дѣлу.

Лицо Ивана Филофеевича приняло недовольный видъ. вмѣстѣ съ тѣмъ ему захотѣлось показать самостоятельность. Онъ рѣшилъ, что ни въ какомъ случаѣ не потащитъ корзинку самъ на дачу, а возьметъ извозчика. И онъ подкатилъ къ своей калиткѣ

на извозчикѣ, чего рѣшительно никогда не дѣлалъ, кромѣ какъ 20-го числа, и то потому только, что жена его встрѣчала въ вокзалѣ, и онъ позволялъ себѣ удовольствіе «прокатить» ее до дому, на глазахъ многихъ сослуживцевъ и другихъ лицъ, которымъ онъ несомнѣнно былъ извѣстенъ.

– А гдѣ же барыня? – спросилъ Иванъ Филофеевичъ хлопотавшую около стола, вертлявую и недурненькую собой горничную Лизу.

– А развѣ вы не повстрѣчались у вокзала? Барыня давно уже, отъ самаго завтрака, вышли въ паркъ, – отвѣтила та...

– Мм... промычалъ Иванъ Филофеевичъ, и пошелъ по всей дачѣ.

Ему очень хотѣлось ѣсть, а жены не было. Это портило ему расположеніе духа. Онъ наконецъ вышелъ въ столовую, развязалъ корзинку, и принялся медленно разворачивать промасленную бумагу. Вынырнувшій оттуда кусокъ балыка смотрѣлъ чрезвычайно аппетитно. Иванъ Филофеевичъ налилъ себѣ рюмку водки, проглотилъ, отрѣзалъ ломтикъ балыка, прожевалъ, вторично наполнилъ рюмку, проглотилъ, открылъ еще балыка, но уже

потолще, и снова принялся жевать.

Въ это время на балконъ быстро вбѣжала хорошенькая, полненькая брюнетка лѣтъ тридцати, вся раскраснѣвшаяся, запыхавшаяся, и еще издали прокричала:

– Представь себѣ, я опоздала встрѣтить поѣздъ. Сажу въ липовой аллеѣ, читаю, и такъ увлеклась, что не замѣтила времени. Вдругъ слышу – свистокъ. Я бросилась къ вокзалу, но не могла поспѣть. Ну, здравствуй!

И она подставила подъ супружескій поцѣлуй свой маленькій, влажный лобъ.

– А съ тобой и книги нѣтъ. Какъ же ты безъ книги читала? – подозрительнымъ тономъ замѣтилъ мужъ.

Наталья Андреевна немножко смутилась, но тотчасъ нашлась.

– Я у газетчика газету брала, и бросила ее въ паркъ, – отвѣтила она.

– Напрасно бросила. Я могъ бы послѣ обѣда почитать. Да что же это обѣдать не даютъ? Ужъ и кухарка твоя тоже не зачиталась-ли газеты? – ворчалъ Иванъ Филофеевичъ. – Ботвинья-то съ лососиной будетъ у насъ сегодня?

– Ботвинья? Почему же ботвинья? Сегодня

вовсе не такая жаркая погода! – возразила Наталья Андреевна.

Сообщение это очень разочаровало Ивана Филофеевича. Онъ всю дорогу думалъ о томъ, какъ онъ первую тарелку ботвиньи съѣсть съ лососинкой, а вторую съ балычкомъ, и ледку подбросить.

– Не жаркая у васъ погода? А почему-жъ это у васъ все лицо пятнами горить? – подозрительно возразилъ онъ.

Молодая женщина пуце покраснѣла и прижала обѣ руки къ щекамъ.

– Говорила вамъ, что бѣжала на поѣздъ, запыхалась, – отвѣтила она съ неудовольствіемъ. – Вамъ хорошо целый день въ департаментѣ сидѣть, въ холодкѣ. Въ казенныхъ домахъ всегда холодокъ есть. Пять часовъ кряду сидите, съ мѣста не двинетесь. А тутъ по хозяйству для васъ суетись.

– Посадилъ бы я васъ, сударыня, въ департаментъ, не очень бы, чай, понравилось, – продолжалъ тѣмъ же ворчливымъ тономъ Иванъ Филофеевичъ. – У насъ у начальника отдѣленія жена за границу просится, такъ онъ ужъ который день чортомъ ходитъ, да

обрываетъ всѣхъ: подвернись только!

— Это онъ васъ обрываетъ, а когда я съ нимъ встрѣчаюсь у Мышеловкиныхъ, такъ онъ со мною чрезвычайно всегда любезенъ. А вамъ вовсе и не слѣдуетъ ему подвертываться.

Иванъ Филофеевичъ на это ничего даже не сказалъ, и когда подали вмѣсто ботвиньи жиденъкій бульонъ съ плававшими на поверхности листочками какой-то зелени, то онъ, должно быть съ досады, пошелъ въ спальную, сбросилъ съ себя все, что только можно сбросить безъ нарушенія добрыхъ семейныхъ обычаевъ, и въ такомъ видѣ вернулся въ столовую. Наталья Андреевна, уже привыкшая къ его взглядамъ на свободу дачной жизни, только плечами повела.

Ей совсѣмъ не хотѣлось ѣсть, и послѣ двухъ ложекъ она откинулась на спинку стула.

— Да, вотъ только и слышишь, что всѣ за границу ѣдутъ, — произнесла она мечтательно. — А я, должно быть, такъ и проживу жизнь, не побывавъ за границею. Хоть-бы однимъ глазкомъ посмотрѣть, какой такой Парижъ...

– Вона! Парижъ! Кудахватила! – усмѣхнулся Иванъ Филофеевичъ.

– А что жь, я хуже тѣхъ, кто туда ѣздить, что ли? – обидѣлась Наталья Андреевна. – Хоть бы въ Стокгольмъ на выставку вы меня отпустили. Смѣшно даже: десять лѣтъ замужемъ, а еще ни одной выставки не видала.

– Какъ такъ не видала? А зимой-то кто двадцать разъ въ «Акваріумъ» на судостроительную выставку ѣздилъ?

– Вотъ тоже нашелъ! Я про заграницу говорю. На судостроительную я только для Варвары Петровны ѣздила, потому что у нея братъ въ штурманахъ служить.

– Всѣ у васъ съ нѣкоторыхъ поръ въ штурманахъ служатъ. На дняхъ въ палисадникѣ на кого-то въ бѣлой фуражкѣ натолкнулся, тоже увѣряла, что штурманъ, а оказалось – технологическій студентъ.

Наталья Андреевна немножко отвернулась отъ мужа, потому что чувствовала на губахъ предательскую улыбку.

– Я не знаю, что вы всегда имѣете противъ студентовъ, скромнымъ тономъ замѣтила она.

— А что въ нихъ хорошаго нашли? Всякій мѣщанишка, захочетъ, такъ и будетъ студентомъ. Вотъ, если дамамъ офицеры нравятся, это само собою понятно. А студентъ и пріятности никакой доставить не можетъ.

Наталья Андреевна немножко больше отвернулась, и черезъ минуту перемѣнила разговоръ.

— Жанъ, мнѣ завтра въ городъ нужно. Не могу ничего отъ портнихъ добиться, надо самой съѣздить. Поѣду я часа въ четыре, такъ что ты ужь безъ меня пообѣдаешь. А я велю ботвинью сдѣлать.

Иванъ Филофеевичъ окончательно нахмурился.

— Вотъ нашли время съ портнихами возиться! Удивительно мнѣ важно, что вамъ вашихъ тряпокъ не везуть. Какое мнѣ удовольствіе одному тутъ прохлаждаться?

— Ты пойми, что ни одно мое платье не готово еще. Не могу же я не одѣтая на дачѣ сидѣть.

— На дачѣ-то и можно. Не на балконъ, понятно, а такъ, за шторкою.

— Съ какой это стати я буду для васъ за

шторкою сидѣть? И въ чемъ же прикажете мнѣ принимать, если кто придетъ? Въ сорочкѣ, что ли?

— Кто васъ знаетъ, въ чемъ вы кого принимаете? Вонъ какъ-то племянничекъ Пьеръ про родинку заговорилъ. Откуда бы ему знать, гдѣ у васъ родинки?

По лицу Натальи Андреевны пробѣжала странная полуулыбка.

— Онъ про какую-же говорилъ? — спросила она, оторопѣвъ. Иванъ Филофеевичъ посмотрѣлъ ей въ глаза, и вдругъ выпалилъ:

— Тѣфу, стыда у васъ совсѣмъ нѣтъ! И бросивъ салфетку, онъ всталъ и ушелъ въ кабинетъ, гдѣ имѣлъ привычку поспать часика два послѣ обѣда.

Иванъ Филофеевичъ былъ человекъ смирившійся. Онъ очень хорошо понималъ, что не можетъ представлять для молодой женщины романическаго интереса. Цѣну онъ себѣ зналъ, и даже преувеличивалъ свою оцѣнку въ отношеніи ума и дѣловитости, но о женщинахъ былъ мнѣнія нѣсколько презрительнаго и полагалъ, что къ истиннымъ достоинствамъ онѣ равнодушны, а увлекаются

больше мишурой и вертопрашествомъ. Поэтому онъ въ душѣ былъ убѣжденъ, что жена не обходится безъ романовъ. Онъ, даже стоя съ ней подъ вѣнцомъ, думалъ: «ну, первый годъ не надуется, а на второй непременно надуется». И къ этой мысли онъ относился философски. Но онъ безусловно требовалъ, чтобы жена умѣла не возбуждать въ немъ опредѣленныхъ подозрѣній, и обнаруживала бы покорность и уваженіе. А Наталья Андреевна этого не обнаруживала, и держала себя такъ, какъ будто ей рѣшительно все равно было, что онъ думаетъ о ея вѣрности. Это несказанно раздражало и уязвляло Ивана Филофеевича.

А еще его уязвляло, что она, повидимому, всему на свѣтѣ предпочитала студентовъ. Этого Иванъ Филофеевичъ никакъ перенести не могъ. Узнай онъ какъ-нибудь, что у жены романъ съ кавалерійскимъ офицеромъ, или съ камеръ-юнкеромъ, или, на примѣръ, съ директоромъ департамента – это еще куда ни шло. Но студентовъ онъ не могъ терпѣть. Романъ со студентомъ – это была бы такая кровная обида, которая превратила бы добродуш-

наго надворнаго совѣтника Пыщикова въ кровожадное животное.

Кабинетикъ Ивана Филофеевича выходилъ единственнымъ окномъ въ садикъ, гдѣ теперь цвѣли два большіе жасминные куста. Они маскировали съ двухъ сторонъ маленькую, сквозную бесѣдку, помѣщавшуюся у стѣны дома, подъ самымъ окномъ. Ивану Филофеевичу было очень пріятно, что изъ садика къ нему въ комнату доносился запахъ жасмина. Онъ растянулся на диванѣ и точасъ заснулъ.

Но не прошло и полчаса, какъ какой-то тягостный кошмаръ прервалъ его сонъ. Ему пригрезились отвратительныя вещи: студентъ въ бѣлой фуражкѣ нагло обнималъ его жену, а жена съ такою же наглостью отвѣчала на его ласки; потомъ вмѣсто студента появлялся племянникъ Пьеръ, и какимъ-то образомъ тоже оказывался студентомъ; и все это происходило тутъ, въ этомъ дачномъ кабинетѣ, а онъ на все это смотрѣлъ изъ департамента и хотѣлъ соскочить со стула, но начальникъ отдѣленія приковывалъ его къ мѣсту замораживающимъ взглядомъ.

Иванъ Филофеевичъ поднялся съ дивана и съ испугомъ оглянулся кругомъ. Въ комнатѣ никого не было, но изъ садика доносились какіе-то странные звуки – какъ будто звуки поцѣлуевъ.

Однимъ прыжкомъ Иванъ Филофеевичъ подскочилъ къ окну и свѣсился въ садъ. Прямо подъ нимъ, въ бесѣдкѣ, мелькнула фигура студента въ бѣлой фуражкѣ, и звуки поцѣлуевъ раздались совершенно явственно.

– Знаете что? – говорилъ незнакомый голосъ: – если завтра вы не исполните своего обѣщанія, не пріѣдете въ городъ, то я... я на себя руки наложу, вотъ что!

«Погоди-ка, вотъ раньше я на тебя свои руки наложу», мысленно прохрипѣлъ Иванъ Филофеевичъ, и свѣсившись черезъ окно, мгновенно спустился на бесѣдку, ухватился за что-то, заболталъ въ воздухѣ ногами, прыгнулъ на землю, и полуодѣтый, разставивъ руки и ноги, съ лицомъ, пылавшимъ невыразимымъ гнѣвомъ, очутился передъ студентомъ. Тотъ взглянулъ на него ошалѣлыми глазами, потомъ быстро нагнулся, и съ изумительной ловкостью проскочилъ между ногъ ревнива-

го мстителя. Иванъ Филофеевичъ не удержался и хлопнулся ничкомъ къ ногамъ преступной сообщницы преступнаго свиданія.

– Баринъ, миленькій, простите... – взмолился плачущій женскій голосъ. Иванъ Филофеевичъ приподнялся на ладоняхъ и возвелъ глаза кверху. Передъ нимъ, закрывая лицо руками, стояла горничная Лиза.

Изъ окна спальни высунулась хорошенькая головка Натальи Андреевны. Съ минуту она молча, съ изумленіемъ смотрѣла на представившуюся ей картину. Потомъ по всему дому, по садику, по сосѣднимъ дачамъ прогремѣлъ ея раскатистый, звонкій, почти истерическій хохоть...